

Марина Федотова

«ВОЙНА ГИМНАЗИСТОВ С ЧЕРТЯМИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ К[ЕССЛЕРА] ИЗ АДА»: О ГИМНАЗИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ К. А. ИВАНОВА

В статье проанализирована сохранившаяся в двух списках в личных архивах И. А. Шляпкина (РНБ) и В. Г. Дружинина (РГАЛИ) поэма «Война гимназистов с чертями за освобождение К[есслера] из ада», написанная в гимназические годы Константином Алексеевичем Ивановым (1858–1919), однокурсником Шляпкина и Дружинина: все трое были выпускниками Третьей Санкт-Петербургской классической гимназии. В будущем К. А. Иванов стал известным педагогом (в том числе он преподавал историю и географию детям императора Николая II), автором многочисленных учебников, пособий и очерков по русской и средневековой зарубежной истории. Другой несомненный талант К. А. Иванова — талант поэтический, вершина которого — это перевод «Фауста» Гете, изданный стараниями его наследников только в 2005 г. Гимназическая поэма Иванова «Война гимназистов с чертями за освобождение К[есслера] из ада» была посвящена учителю латинского языка Третьей Санкт-Петербургской гимназии Э. Э. Кесслеру, ходила в списках, имела большой успех среди учеников и учителей гимназии. В статье она рассмотрена, с одной стороны, как литературная интеллектуальная игра, построенная на подражаниях русской поэзии XVIII–XIX вв., мировой классике, на аллюзиях на сочинения античной литературы и античные мифы, с другой — как шуточное произведение, отражающее бытовую жизнь гимназистов-пансионеров. В приложении публикуется текст поэмы по автографу автора.

Ключевые слова: педагогика, гимназическая поэма, подражания, античная литература, русская поэзия, К. А. Иванов, Э. Э. Кесслер

Марина Анатольевна Федотова

Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН
Санкт-Петербург
fedotova_m@mail.ru

Имя Константина Алексеевича Иванова (1858–1919) прочно вошло в историю педагогической науки. После окончания в 1881 г. историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета¹, где он тесно общался с такими будущими выдающимися историками и филологами, как И. А. Шляпкин, В. Г. Дружинин, С. Ф. Платонов, он избрал педагогическую стезю: К. А. Иванов более 20 лет проработал учителем истории и географии в Пятой Санкт-Петербургской гимназии, временами совмещая эту работу с преподаванием отечественной и зарубежной истории в Императорском Александровском лицее, реальном училище Я. Г. Гуревича, Патриотическом институте, с чтением лекций по истории Древней Греции на Высших женских Бестужевских курсах [Бровкина 2019, 18]. В 1904 г. К. А. Иванов был назначен директором Нарвской мужской гимназии, потом в этой должности работал в гимназии Императорского Человеколюбивого общества, в 12-й Петербургской гимназии, и наконец, в Императорской Николаевской гимназии в Царском Селе: он был последним директором этого знаменитого учебного заведения, в 1918 г. реорганизованного в Первую Детскосельскую единую трудовую школу. Благодаря образцовой репутации и профессионализму К. А. Иванова пригласили в качестве учителя в семью императора Николая II: с 1908 г. по 1917 г. он преподавал августейшим ученикам историю и географию. Этому назначению способствовал П. В. Петров, старший преподаватель царских детей и бывший университетский однокурсник К. А. Иванова.

К. А. Иванов был автором нескольких гимназических учебников по истории, выдержавших ряд переизданий, от систематических курсов по истории Средних веков [Иванов 1892; Иванов 1917b], истории Древнего мира [Иванов 1899; Иванов 1917a], русской истории [Иванов 1906b; Иванов 1915b] до кратких и сокращенных исторических курсов, учебных пособий и исторических очерков. Кроме того, будучи прекрасным знатоком европейского Средневековья, в середине 1890-х гг. он подготовил четыре иллюстрированные книги об основных формах и типах человеческих поселений, охватывающие приблизительно период с X в. до конца XIV в., — городе, замке, деревне и монастыре: «Средневековый замок и его обитатели» [Иванов 1894]; «Средневековый город и его обитатели» [Иванов 1895a], «Средневековый монастырь и его обитатели» [Иванов 1895b]; «Средневековая деревня и ее обитатели» [Иванов 1896a]². Книги представляют собой своеобразный справочник или путеводитель по средневековому быту и средневековой жизни, они

выдержали не одно издание при жизни автора и остаются крайне востребованными в наше время, являясь хорошим учебным иллюстрированным пособием³ и для современного школьника; можно допустить, что, написанные простым языком на фактическом материале, они составляют достойную конкуренцию детскому фэнтези со средневековым содержанием.

Свой преподавательский опыт и педагогические взгляды К. А. Иванов изложил в ряде методологических публикаций, основные из которых — это «Пятидесятилетие С.-Петербургской пятой гимназии. 1845–1895» [Иванов 1896b] и «Очерки по методике истории» (первое издание вышло в 1908 г. [Иванов 1908], четвертое дополненное — в 1917 г. [Иванов 1917c]). Не вдаваясь в рассмотрение его педагогических убеждений, отметим только, что К. А. Иванов, будучи выпускником исторического факультета и последователем петербургской исторической школы, в методологии науки оставался приверженцем позитивизма, а потому был последовательным противником схоластики в преподавании истории, придавая большое значение анализу исторических источников. «Все в средней школе, — писал он, — должно опираться на факт и возвращаться к факту. Прошлое должно восставать перед глазами учащихся в ярких, живых образах» [Иванов 1908, 13]⁴. Книги К. А. Иванова были столь популярны, что, наряду с другими учебниками этого периода, они вытеснили учебники Д. И. Иловайского, к тому времени уже подвергшиеся существенной и заслуженной критике [Плетнева 2015; Поздняков 2016].

Другой несомненный талант К. А. Иванова — это талант поэтический. Стихи он писал с гимназических лет и значился лучшим поэтом школы⁵. Он публиковался в ряде журналов, занимался переводами, издал два поэтических сборника — «Стихотворения К. А. Иванова» [Иванов 1906a] и «Лепестки» [Иванов 1912]. Безусловно, К. А. Иванов не был поэтом первого ряда⁶, но его лирика — «это своеобразный дневник переживаний и событий», читая который «мы не перестаем восхищаться силой душевного строя русской интеллигенции этого периода, ее способности возвышаться над темными сторонами действительности и просветлять ее, придавать бытию идеальный характер» [Петрова 2019, 67]. Однако неоспоримым подвигом К. А. Иванова на поэтической стезе является его перевод «Фауста», над которым он работал почти 40 лет и который знатоки творчества Гете ставят «на первое место по верности оригиналу и достоверности и полноте выражения всех нюансов содержания подлинника, особенно 2-й части» [Алексеева 2019, 86].

Перевод этот удивительным образом сохранился у потомков Иванова и был издан только в 2005 г. [Гете 2005].

Как уже отмечалось, К. А. Иванов начал писать стихи еще в гимназии, и одно из его гимназических сочинений, с которым он вошел в летопись школьной жизни Третьей Санкт-Петербургской классической гимназии⁷, которую закончил с серебряной медалью, — это «Война гимназистов с чертями за освобождение К[есслера] из ада». Данная поэма, вероятно, входила в круг поэтических опытов гимназистов. В. Г. Дружинин так вспоминал о литературном кружке, состоящем из учеников средних и старших классов: «Писали прозой, писали стихами. <...> Занимались они также писанием поэм на любимых педагогов. Соль этих произведений заключалась, кроме шуточного изображения действующих лиц, в том, что педагоги в разговорах говорили своими излюбленными выражениями. Иванову удавались этого рода произведения. Его „Война гимназистов с чертями за освобождение Кесслера из ада“, поэма в триста с лишним стихов, была весьма популярна» [Дружинин 1923, 99]. Популярности поэмы, возможно, способствовало то, что она была посвящена преподавателю латинского языка Эрнесту Эрнестовичу Кесслеру (1842–1896)⁸, который во всех воспоминаниях учеников Третьей классической гимназии был награжден самой положительной оценкой. «Это был прекрасный преподаватель; его любили гимназисты за справедливость и прекрасное, хотя и строгое отношение к ним», — вспоминал В. Г. Дружинин [Воспоминания о литературных встречах, 5 об.]. «У нас в старших классах был грозный учитель латинского языка Эрнест Эрнестович Кесслер, известный знаток филологии и автор прекрасной латинской грамматики (синтаксис). Он был неумолимо требователен и строг, но в то же время безусловно справедлив, и все его искренне уважали и даже любили», — подтверждает это мнение профессор медицины Н. Я. Чистович⁹ [Чистович 1923, 93]. Наиболее яркий и полный облик Кесслера нарисовал в своих воспоминаниях историк и переводчик Борис Кесаревич Ордин¹⁰. Приведем этот отрывок полностью:

Но первым из *dei maiores*, своего рода Зевсом, или Юпитером, на преподавательском Олимпе гимназии моего времени был самый выдающийся преподаватель 3-й гимназии — знаменитый в наших глазах латинист — Эрнест Эрнестович Кесслер.

Небольшого роста, широкоплечий, с умным лицом, обрамленным довольно густыми темными волосами, с большим умным лбом и строгими, иногда на мгновение вспыхивавшими остроумием или насмешкою глазами, обыкновенно серьезно смотревшими сквозь большие золотые

очки, Э. Э. Кесслер одним своим обликoм производил на учеников самое дисциплинирующее влияние.

Его урока ждали с трепетом, иногда с замиранием сердца; но этот трепет происходил вовсе не от страха перед суровостью или строгостью, а был естественным явлением: природное достоинство, большие знания, вследствие этого большой авторитет преподавателя были вне сомнения. Он знал свой предмет великолепно. Известны его грамматика, синтаксис и особо изданные и обработанные для русских гимназистов старших классов «Radke's Materialien», т. е. особо избранные и составленные по Цицерону и другим классикам русские статьи, полные всяких грамматических и синтаксических трудностей, для перевода на латинский язык.

На уроках Э. Э. Кесслера не бывало ни шума, ни глупой возни, ни пререканий. С момента, когда дежурный по классу шепотом сообщал: «Кесслер идет!» — все замолкало и приходило в порядок. Он входил в класс, легким движением глаз и головы приветствовал вытянувшихся для его встречи учеников, садился на кафедру, пробегал журнал, в котором делал установленные пометки, и сейчас же принимался за урок, который у него шел постоянно напряженным темпом, при сосредоточенном внимании большинства класса. Языков не выпускали, а «favebant linguis», т. е. говорил только один отвечающий, а все прочие молчали.

Что значит «настоящий» преподаватель! Если бы вы пришли в тот же класс на урок «закона Божия» добрейшего, но не имевшего большого веса в глазах гимназистов К. И. Ветвеницкого, или на урок физики В. А. Попова, не мало кричавшего на ленивых учеников и «кормившего» их единицами, вы бы увидели разницу.

В то время, когда с другими преподавателями чуть что не по рыночному торговались из-за плохой отметки, требовали оценки ответа так, как нужно было или хотелось ученику, — решения Кесслера принимались, как решения судьбы; по поводу их плакали, горевали, сокрушались, но препираться о них или оспаривать их не только не решались, но и не думали. «Αὐτός ἔειπε» — «Сам сказал» — и никаких разговоров. Получить от него похвалу или пятерку было лестно и приятно. Какой смех и оживление охватывало класс, когда Э. Э. Кесслер, никогда не травивший и не преследовавший пристрастно учеников, со свойственным ему юмором, по необходимости, избобличал учеников в их незнании или нерадивости [Ордин 1923, 119–120].

К. А. Кумпан сопоставляет эту характеристику Кесслера с тем образом, который создал в своей поэме «Старинные октавы» Дмитрий Мережковский, тоже выпускник Третьей Санкт-Петербургской гимназии, у которого Кесслер также преподавал латинский язык:

XLVIII

Честнейший немец Кесслер — латинист,
Заросший волосами, бородатый,
На вид угрюм, но сердцем добр и чист, —
Как древние Катоны, Цинциннаты
И Сцеволы; большой идеалист,
Из года в год, отчаяньем объятый,
Всем существом грамматику любя,
Он нас терзал и не жалел себя.

XLIX

Ответов ждал со страхом и томленьем,
Краснея сам, смущаясь и дрожа:
Ему казалась личным оскорбленьем
Неправильная форма падежа,
Ему глагол с неверным удареньем
Из наших уст был как удар ножа.
Земному чуждый, пламенный фанатик,
Писал он ряд ученыших грамматик

[Кумпан 2021, 110; ср.: Мережковский 1923, 114]

Кроме того, известность школьной поэме К. А. Иванова, вероятно, принес эпизод, описанный В. Г. Дружининым:

Случилось *как-то в классе Кесслера* (порядок слов исправлен мною — М. Ф.), что гимназист переводил какого-то автора, Иванов оканчивал переписку шутливое стихотворения «Похищения Кесслера из ада». Стихотворение изобиловало излюбленными выражениями Кесслера. КАИ (Константин Алексеевич Иванов — М. Ф.) знал перевод и не слушал отвечавшего урока. Кесслер, проходя мимо КАИ, заметил его работу, неожиданно подошел и, закрыв ладонью исписанный лист бумаги, спросил, что это такое. КАИ пришлось признаться, что писал стихотворение на него, Кесслера, и извиниться за занятие посторонним уроку делом. Кесслер взял написанное с собой, но зная, что КАИ хороший ученик, ограничился лишь замечанием. В следующий урок он вернул автору со смехом стихотворение, прочтя его дома, но никакого наказания не наложил [Воспоминания о литературных встречах, 5 об. – 6].

В воспоминаниях об И. А. Шляпкине Дружинин к этому добавляет, что поэма была прочитана всеми педагогами и, «по имевшимся сведениям, доставила им большое развлечение, и возвращена

была автору без всякой за то кары» [Дружинин 1923, 99], хотя, судя по воспоминаниям гимназистов, писание стихов в гимназии не приветствовалось, а за шалости наказывали строго (см. подробнее: [Соколов 1923, 22–23, 109].).

Считавшаяся утерянной поэма К. А. Иванова «Война гимназистов с чертями за освобождение К[есслера] из ада» была обнаружена мною сразу в двух списках: 1) РГАЛИ. Ф. 167 (Дружинины: Дружинин В. Г., Дружинин А. В.). Оп. 1. Ед. хр. 640 (К. А. Иванов. Стихи и рассказы). Л. 48–55; 2) РНБ. Ф. 865 (И. А. Шляпкин), № 25 (В. Г. Дружинин. Воспоминания о Шляпкине (с приложениями)). Л. 1–8.

Список РГАЛИ — это автограф К. А. Иванова, написанный достаточно четким почерком, хотя в нем есть исправленные слова, указывающие на работу автора по подбору лучшей рифмы и более правильную лексику, перечеркнутые строфы, первая часть следует за второй, прозой записано содержание 1-й песни. Вероятно, с этого автографа В. Г. Дружинин сделал машинописную копию, сохранившуюся в фонде И. А. Шляпкина (РНБ). Дружинин пронумеровал в автографе все стихи синим карандашом¹¹ (их оказалось 273 стиха), чтобы не сбиться при печати; он допустил в копии лишь некоторые грамматические недочеты и пропустил две строчки (выделены курсивом): вторую строку крылатого латинского афоризма «*Edimus, ut vivamus; non vivimus, ut edamus*» в стихе поэмы «Все edimus мы *ut vivamus, / Sed non vivimus ut edamus!*» и строку в описании Борея — «Он выжал бороду рукою, / *Седую бороду свою*»; наиболее понравившиеся строфы переписчик отметил, написав «Отлично», «Прекрасно». Можно предположить, что В. Г. Дружинин сделал копию с оригинала, чтобы опубликовать ее в качестве приложения к воспоминаниям о гимназических годах И. А. Шляпкина для сборника к 100-летию юбилею Третьей Санкт-Петербургской классической гимназии [Дружинин 1923, 97–106], но публикация не состоялась.

В автографе стоит дата — «8 июня», год не обозначен. Однако в поэме упоминается губернёр А., имя которого в содержании 1-й песни раскрыто, как «Алюхин», а в машинописи, сделанной Дружининым, — «Алехин». Речь идет об одном лице — губернере Иване Александровиче Алехине, который в списке «Личного состава б. 3-й гимназии, ныне 13-й трудовой школы» указан среди работавших в гимназии «комнатных надзирателей и воспитателей»¹² только под одним годом — 1872 [Арепьев 1923, 246]: К. А. Иванов был тогда учеником средней школы (4-го или 5-го класса), а Э. Э. Кесслер

начинал преподавать ученикам латинский язык именно с 4-го класса. Но воспитатель Алюхин, вероятно, работал в школе и после 1872 г., иначе трудно объяснить его близкие отношения, например, с И. А. Шляпкиным, также учеником этой гимназии, которые сложились уже после ее окончания¹³. Кроме того, поэма не могла быть написана ранее 1874 г., так как в ней упоминается знаменитый учебник Э. Э. Кесслера «Синтаксис латинского языка для гимназистов», первое издание которого вышло именно в 1874 г. [Кесслер 1874]. В любом случае, поэма «Война гимназистов с чертями за освобождение К[есслера] из ада» — один из самых ранних поэтических опытов К. А. Иванова.

Содержание поэмы — описание шуточного похода нескольких учеников гимназии, отправившихся спасти любимого учителя латинского языка Кесслера, похищенного псом Цербером и унесенного им в ад. «Кесслер с Алюхиным, как пишет в содержании 1-й песни сам Константин Иванов, гуляли по прекрасной долине, разбили там палатку и завтракали. Позавтракав, Алюхин удалился из палатки, чтобы любоваться картинами природы, а Кесслер остался в палатке. Вдруг Цербер, личный враг Кесслера, схватывает и уносит сего последнего вместе с палаткой» ([Стихи и рассказы, 51 об.]). Однако грозный Цербер соглашается написать за Кесслера записку, которую последний бросает на землю и которая попадает прямо в лодку с гимназистами, прогуливавшимися по реке. После краткого совещания и грубоватого, как водится в столь юном возрасте, между собой спора ученики отправляются спасать Кесслера. Перед ними «часть небосклона растворилась» и появляется хромой волшебник¹⁴, знающий «в самый ад дорогу» и готовый им помочь; старец бросает клубок, который катится, указывая путь. Пришедшие в возбужденное состояние гимназисты то распевают оды, то препираются во время обеда; их путешествие полно приключений: они идут по болоту, бегут от страшного воя, огня, укрываются от дождя, ночуют в лесу. Наконец, во второй части поэмы юноши достигают, вероятно, Стикса, переполненного чертями «с хвостами длинными, рогами и с пистолетами в руках». Однако силой книг Ксенофонта (не только древнегреческого писателя и историка, но и знаменитого полководца), которые, «сговорясь, все сразу в воду окунали», адские корабли были потоплены, а освободители таким образом достигли ворот ада; но и здесь, «во мраке пребольшей темницы», где «дьявол пляшет трепака», они не испугались, а смело бросились спасать учителя: он «мил и дорог их душе». И, наконец, обнаружив его «на цепи ржавой, в конуре», гимназисты приходят

ему на выручку: «Его из аду выносило / Учеников ста полтора, / И всю окрестность огласило / Их троекратное „Ура!!!“».

Основные персонажи поэмы, одноклассники К. А. Иванова — Илья Герлих, Иван Полесский, Сергей Степанов [Лавров 1911, 4; 12; 14; Федоров 2011, 136, 346, 407] — вероятно, были (и изображены так в поэме) отъявленными озорниками¹⁵, несмотря на их благородный порыв спасения учителя: они постоянно пререкаются друг с другом, пикируются ругательствами, борются за лидерство и могут даже подражаться, однако без усталости идут вперед к поставленной цели — освобождению Кесслера.

Безусловно, образная система гимназической поэмы К. А. Иванова вторична, почти вся построена на литературных аллюзиях: его пейзажи, авторские реплики и фразы действующих лиц восходят и напрямую отсылают к поэзии XVIII–XIX вв., но нужно признать за юным поэтом достойное знание этой поэзии, без сомнения, выходящее за рамки школьной программы. Здесь и прямые цитаты, например, из оды Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского» — «Глагол имен, метала звон», или стихотворения М. Ю. Лермонтова «М. П. Соломирской» — «Над бездной адскою летая...» (ср. у М. Ю. Лермонтова: «Над бездной адскою блуждая...»), и аллюзии на разные сочинения, например: песню Е. В. Аладына «Солнце скрылось за горами...» (ср. в поэме: «Солнце скрылось за завесу, / Пора ему уж на покой, / Вечер тих, и из-за лесу / Выходит месяц золотой»), стихотворение А. С. Хомякова «Ночь» (см. в поэме: «И звезд на небе мириады, / Свершая путь надземный свой, / Горят, как яркие лампы / Перед иконою святой»); образ Борея, олицетворяющего в греческой мифологии северный ветер, явно навеян его изображением в стихотворении все того же Г. Р. Державина «На рождение порфирородного отрока»; в поэме в целом прочитывается влияние од М. В. Ломоносова, романтической лирики М. Ю. Лермонтова и др. Кроме того, можно увидеть отсылки к церковным песнопениям («ангел чистый непорочный»), евангельским стихам («То не орлы над трупами летают...»; ср.: «...ибо, где труп, там соберутся орлы...» (Мф. 24; 28)), к монологу Гамлета из одноименной пьесы У. Шекспира («...Не быть или быть, я не шучу...») и, конечно, к 6-й песни («Ад») «Божественной комедии» Данте.

Но особенно автор «блистал» знанием античной литературы (все-таки поэма посвящалась учителю латинского языка): в поэме постоянно встречаются латинская лексика («О plebs! — кричал Илья, — sentina»); упоминаются античные боги и писатели (Плутон, Зевс/Юпитер; книги Ксенофонта, «Одиссея» Гомера); ис-

пользуются крылатые латинские выражения, цитаты из античных авторов («Quousqua tandem будем мы / Терпеть всяк вражеский навет...» — прямое указание на знаменитое вступление «Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra?» к первой речи против Катилины, произнесенной Цицероном; или «И с свежим, бодрым mente sana / Отправимся в поход большой» — отсылка к крылатому латинскому выражению «Mens sana in corpore sano», восходящему к 10-й сатире Ювенала; или «Все edimus мы ut vivamus, Sed non vivimus ut edamus!» — совершенно очевидная цитата из латинской фразы «Edimus ut vivamus, non vivimus ut edamus», приписываемой Сократу); намеки на античные мифы (например, в строках «Но наше войско не сробело, / Перетерпевши столько бед, / Из Одиссеи стих пропело / И Цербера уж нет как нет» читается аллюзия на миф, в котором Орфей, спасая Эвридику, своим пением покори́л Харона, Цербера и самого Аида).

В поэме много шуток, зарисовок из школьной, полной озорства и шалостей жизни пансионеров; античная стихия, возможно, неискусно, но вполне осознанно лишена пафоса, величия и героизма. Грозный и ужасный страж преисподней Цербер, каким он представлен в «Божественной комедии» Данте, изображается в поэме довольно бестолковым, так как соглашается, как указывалось выше, написать записку от имени Кесслера, обращаясь к похищенному «милый», что опять же не характерно для злого пса. Впрочем, и сам владыка подземного царства и смерти Плутон обзывается в конце поэмы лентяем, что, безусловно, нивелирует его страшный облик. Корабли с чертями (еще раз процитируем — «с пистолетами в руках») в водах адской реки, должной быть олицетворением первобытного ужаса, были потоплены всего лишь опусканием трудов Ксенафонта, а сон на гимназистов навевается исключительно пением стихов из «Одиссеи». Наряду с этим, школьный поэт справился с задачей, которую ставили перед собой участники литературного гимназического кружка и о которой писал В. Г. Дружинин, — использовал в поэме излюбленные выражения Кесслера: они явно прочитываются во фразе «„О Юпитер, о Аполлон!“ / Но тщетно, тщетно. Никакою / Не вразумил мольбой их он», или в приведенном выше выражении из речи Цицерона («Quousqua tandem...» — «До каких же пор...»).

Поэму К. А. Иванова «Война гимназистов с чертями за освобождение К[есслера] из ада», думается, не стоит относить к ранним литературным романтическим опытам будущего поэта (такие стихи тоже есть и читаются, например, в гимназических альбомах (см.,

[Альбом Шляпкина.], письмах — в основном это любовная лирика, состоящая из поэтических клише), здесь же своего рода интеллектуальная игра, отражающая увлеченность и живое воображение гимназистов и более присущая гимназическим самодельным журналам с их шутивными стихами, сценариями, подражательными рассказами, которые широко были распространены, в том числе и в Третей Санкт-Петербургской классической гимназии [Соколов 1923, 85, 109].

В Приложении публикуется гимназическая поэма К. А. Иванова «Война гимназистов с чертями за освобождение К[есслера] из ада» по списку-автографу: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 640. Л. 48–55. В квадратных скобках раскрываются сокращения, авторская правка опускается, подчеркивания и деления внутри строк, принадлежащие автору, сохранены, курсивом выделены грамматические исправления, орфография и пунктуация приведены к современным нормам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Война гимназистов с чертями за освобождение К[есслера] из ада

Поэма

Первая часть

I.

Читатель, мы с тобой в долине
Чудесной дивной красотой,
Не видел ты и на картине
Теперь, что видишь пред собой.
У речки, вон там на кургане
Стоит изысканный шатер.
Сидят в нем К[есслер] на диване
И наш А[люхин] гувернер.
Лежат пред ними на столе:
Желе, конфеты, монпансье,
Пломбир, сироп и *proliné*,
Бомбошки разные, коврижки,
Фисташки, земляника, фишки,
Мороженое, бульдегом,
«Латинский синтаксис» и ром...
Но описанию капут,

Пожалуй, слюньки потекут...
Ал[юхин] уж гулять идет,
А К[есслер] все сидит да жрет,
Сигару закурил, запел
И вдруг с палаткой улетел.

II

Над бездной адскою летая,
Гуляет Цербер, адский пес,
Крехтя, шипя, свистя и лая,
Он пребольшое что-то нес.
А знаете ли что? Шалаш,
А в нем сидит и К[есслер] наш.
Молился бедненький порою:
«О Юпитер, о Аполлон!»
Но тщетно, тщетно. Никакою
Не вразумил мольбой их он.
И обратился он ко псу
И это вот сказал ему:
«Во всяком случае, скажите,
Куда несете вы меня,
Да мне записку напишите,
Ее ж на землю брошу я.
Пройдет случайно гимназист,
Поднимет и прочтет сей лист!»
«Да что ж тебе за польза, милый,
Что лист поднимут на земле?»
При сих словах изо всей силы
Рванулся Цербер к высоте.
«О, дальше не скажу, ей-ей,
Пишите лучше поскорей».
«Изволь, изволь, я соглашусь,
Не быть иль быть, я не шучу:
Лишь только на землю спущусь,
Как эти строки напишу».

III

Приял дрожащими руками
Наш К[есслер] адское письмо,
Задрыгал с радости ногами
И кинул на землю его.

IV

Земля. Подходим мы к реке.
Что там такое вдалеке?
Да это лодочка плывет,
Вон гимназист, другой — гребет.
Скажу вам прямо имена:
Полеский и Герлих Илья.
Да на руле одна свинья,
Которую не знаю я.
Ведут все тихий разговор.
Илья ринсе-нез вдруг шевелит,
На небо устремил свой взор
И закричал: «Что-то летит!»
Лишь только это он сказал,
Как в лодку лист с неба упал.
Прочли все, к берегу пристали
И там собрание созвали.

V

Старец Герлих первый встал
И такую речь сказал:
«Quousqua tandem будем мы
Терпеть всяк вражеский навет,
Прошу вас, выслушайте вы
Мой искренний, благой совет.
Завтра утром, рано-рано
Мы соберемся в лес густой
И с свежим, бодрым *mente sana*
Отправимся в поход большой».
Ему во гневе рек Степанов:
«Чего болтаешь пустяки,
Иль, думаешь, нашел болванов,
Чтоб слушать глупости твои?»
«O plebs! — кричал Илья, — *sentina*».
«Чего ругаешься, скотина, —
Сказал ему Степанов-хват, —
А знаешь ты дорогу в ад?»
Вдруг небо заревом покрылось,
Раздался сильный, страшный гром,
Часть небосклона растворилась,
Оттуда вышел старец хром.
На старца голове седой
Венец был ярко золотой...

В руках держал он два меча,
Горевших, как горит свеча.
Потрясши длинными власами,
Сказал волшебник так, старик:
«Почто своими голосами
Вы подняли такой здесь крик?
Я знаю в самый ад дорогу,
Вас приведу к его порогу.
Возьмите только клубок нити,
За ним смелее в ад идите».
При сих словах старик пропал,
За ним и горизонт закрылся.
Сверху лишь моток упал,
Да и тот уж покатился.
Скорей ребята же ступайте,
Лавры свежи пожинайте.

VI

Солнце скрылось за завесу,
Пора ему уж на покой,
Вечер тих, и из-за лесу
Выходит месяц золотой.
И войско, оду распевая
«Глагол времен, металла звон»,
Все-все земное забывает,
Как забывают сладкий сон.
Вдруг Герлих кверху поднял руки
И так сказал толпе: «О, внуки!
Все edimus мы ut vivamus,
Sed non vivimus ut edamus!
Не пусты ль все теперь желудки,
А у меня всего две утки.
Не обойтись же нам без драки,
Как делают всегда собаки,
Но я ведь предводитель ваш,
И спорам всем теперь — шабаш.
Уток этих сам я съем,
А вам оставлю кукиш всем».
И старцу, молча, все внимали,
И шупали одни бока,
А те усы свои щипали,
Которых нет еще пока.
Ну, что же делать, покорились
И спать, не евши, повалились.

VII

Лишь только солнце золотое
На небо всплыло голубое,
И ярость этого светила
Страну всю светом наводнила.
Все вместе сразу пробудились,
Легонько шупая живот,
Умылись, Богу помолились
И быстро бросились в поход.

VIII

И звезд на небе мириады,
Свершая путь надземный свой,
Горят, как яркие лампы
Перед иконою святой.
И вот достигло войско леса
И перетрухнуло совсем:
«А вдруг как там увидим беса,
А вдруг как он начнет нас тем...»

Но думы прерваны их были
Ужасным воем, а потом
Со страху сами уж завyli,
Кто кошкою, а кто котом.
Но вой их скоро же унялся...
И видят, что же? Из корней
Огромный столб огня поднялся —
Бежать теперь, бежать скорей!!!
А столб огня. Он не плошает,
И войско быстро нагоняет...
Но тут Борей задумал смело
И произвел такое дело:
Он выжал бороду рукою,
Седую бороду свою.
И вот вода с небес рекою
Бежит на мать сыру-землю.
А где же столб? Уж он пропал,
Его залил дождь-адмирал.
А где же тот суровый лес?
Куда, когда и как исчез?

Загадку эту отгадает
Лишь тот, кто Магию всю знает...
На месте леса векового
Болото топкое теперь.

IX

То не орлы над трупами летают,
То гимназисты за рекой
Себе палатки разбивают,
Куда б укрыться на покой.
Готово все. Они привстали,
Из ранцев выпивки достали...
А дичь всем Герлих раздавал
По части всякий получал...

И пламя от костра, взлетая,
Стремил дым свой в высоту,
И всю окрестность освещая,
Вселяло в сердце чистоту.

Уже светает. Захотели...
Поспать... Приятна ночь, тиха...
Ко сну грядущему пропели
Из «Одиссеи» три стиха.
Потом все войско повалилось,
Без сюртуков и без штанов,
И все то место огласилось
Храпением всяческих тонов.

Все тихо в этот час полночный,
Душа блаженствует вполне,
И ангел чистый непорочный,
Витая в горней вышине,
Твои молбы к Творцу подносит,
Как фимиам, принять их просит.

Вторая часть

X

Однажды, было воскресенье,
Шли гимназисты вместе все,
Как вдруг услышали шипенье,
Оно раздалось по реке.
К реке гуртом все привалили
И видят что же? Корабли...
Над ними филины парили,
Под ними волны вод текли...
Все переполнены чертями
На черных тоненьких ногах
С хвостами длинными, рогами
И с пистолетами в руках.
Но ни минуты не струхнули,
А Ксенофонта, сговорясь,
Все сразу в воду окунули,
Меж тем Юпитеру молясь.
И бурно, страшно заходила
Река, поднявшись раз пять,
Все корабли те потопила
И успокоилась опять.
И гимназисты ликовали,
Победу чувствуя свою,
Друг друга крепко обнимали,
Как будто ангелы в раю.

XI

Ребята, стой! Стоит клубок!
Вот ада темного порог!
Стоит крупнейшее зданье,
Где заключен весь грешный род;
И Цербер, страшное создание,
Сидит на троне у ворот.
Ругает всех он и потом
Грозит ужасным кулаком!
Но наше войско не сробело,
Перетерпевши столько бед,
Из Одиссеи стих пропело,
И Цербера уж нет как нет!

XII

Во мраке пребольшой темницы,
Где царствует лентяй Плутон,
Все было темно: луч денницы
Не мог проникнуть в сей Содом.
Илья достал тогда огарок,
Зевеса вещего подарок,
И он зажег его скорей,
Чем озадачил всех чертей.

В темнице сей большой во мраке,
Стоит огромная плита,
А перед ней в зеленом фраке
Сам дьявол пляшет трепака.
Кастрюли на плите стоят,
В которых грешники кипят...
Вокруг же черти подпевают,
В кастрюли масло подливают.

Но это все остолбенело,
Как только свет сюда проник.
Все унялось, что прежде пело,
Не унялся лишь грешных крик.

XIII

Вперед всех Герлих шел со свечкой,
Держа ее над головой,
И свой большой кинжал с насечкой,
Вертя от злости под полой.
И вдруг, подпрыгнув как чертенюк,
Он кверху поднял свой кинжал,
И им играя, как ребенок,
В вонючий угол побежал.

И гимназисты вдруг узнали
На цепи ржавой, в конуре,
Того, кого они искали,

Кто мил и дорог их душе.
Его из ада выносило
Учеников ста полтора,
И всю окрестность огласило
Их троекратное «Ура!!!»

Примечания

- ¹ Уже после окончания университета К. А. Ивановым в 1884 г. была защищена кандидатская диссертация на тему «Козма Индикоплов» [Бровкина 2019, 15]. Кандидатская степень являлась первым уровнем в трехчастной иерархической структуре ученых степеней в XIX в.: кандидат, магистр, доктор.
- ² В этом ряду стоят еще три книги К. А. Иванова: «Трубадуры, труверы и миннезингеры» [Иванов 1901], «Средневековое папство и его представители» [Иванов 1915а] и «Средневековый театр и легенды Средневековья». Последняя книга не успела увидеть свет при жизни автора, и ее рукопись была подготовлена к изданию наследниками только в 2019 г. [Иванов 2019]. Нужно отметить, что эти три издания имеют уже и определенное научное значение.
- ³ Думается, что современные издательства могут быть заинтересованы в переиздании этих трудов К. А. Иванова, особенно в богато иллюстрированном виде.
- ⁴ Именно эти достоинства учебников К. А. Иванова отмечал в своих воспоминаниях о нем В. Г. Дружинин: «Учебники его и пособия составлены им на основании глубокого изучения источников и пособий. У него была богатая библиотека. Он выписывал иностранные иллюстрированные издания, из коих черпал иллюстрации для учебников и пособий» [Воспоминания о литературных встречах, 10 – 10 об.]
- ⁵ В гимназии он имел прозвище «Поэт» [Ведомости за 1877–1878 гг., 3]. Известны рассказы и драмы К. А. Иванова, которые остались неопубликованными [Стихи и рассказы].
- ⁶ «...рифма ему удавалась, но художественная сторона его стихотворений была слаба», — писал в воспоминаниях все тот же В. Г. Дружинин [Воспоминания о литературных встречах, 5].
- ⁷ Среди выпускников гимназии немало выдающихся личностей: В. Я. Стоюнин, Д. И. Писарев, И. А. Шляпкин, В. Г. Дружинин, Д. С. Мережковский, В. Д. Набоков, П. Б. Струве, В. А. Опель и многие др. Историю гимназии см.: [Соколов 1923; Федоров 2011].
- ⁸ См. биографию Э. Э. Кесслера, собранную по архивным документам: [Кумпан 2021, 111]. В письме от 10 мая 1896 г. И. А. Шляпкину К. А. Иванов с грустью пишет: «Сегодня я был поражен одною вестью: окружной инспектор Санчурский сообщил мне о внезапной смерти Кесслера. Помнишь: „Молился бедненький порою“?» [Письма Иванова

- Шляпкину, 32 об.–33]. Последние строки — цитата из гимназической поэмы Иванова.
- ⁹ О Н. Я. Чистовиче см.: [Брокгауз, Эфрон 1903, 870].
- ¹⁰ О Б. К. Ордине см.: [Шилов].
- ¹¹ Исследователи отмечали, что Дружинин делал маркировки именно синим карандашом [Пивоварова 2010, 51].
- ¹² Вообще, гувернерами и воспитателями в гимназии были немцы, и отзывы о них были не самыми лестными [Соколов 1923, 17].
- ¹³ Так, известно письмо И. А. Алюхина от 27.01.1886 И. А. Шляпкину о покупке чемоданов в Вологде у Н. А. Полиектова, бывшего воспитателя и преподавателя начальных классов Третьей гимназии [Письмо Алюхина Шляпкину].
- ¹⁴ В автографе поэмы был описан облик волшебника — его одеяние, атрибуты, но в итоговый вариант он не был включен: зачеркнут автором. Также было зачеркнуто описание леса в восьмой песне.
- ¹⁵ Так, И. А. Шляпкин напротив двух учеников (Ивана Полесского и Ивана Шишкина) записал свои воспоминания, охарактеризовав их, как «молодые ослы» [Ведомости за 1877–1878 гг., 3]. См. также [Чистович 1923, 91].

Литература

Источники

- Альбом Шляпкина* — Альбом гимназиста Ильи Александровича Шляпкина (1875 г.) // РО ИРЛИ. Ф. 341 (И. А. Шляпкин). Оп. 1. № 180.
- Ведомости за 1877–1878 гг.* — Ведомости учащихся 3-й Санкт-Петербургской гимназии за 1877–1878 гг. // РО ИРЛИ. Ф. 341 (И. А. Шляпкин). Оп. 1. № 183.
- Воспоминания о литературных встречах* — Дружинин В. Г. Воспоминания о литературных встречах // РГАЛИ. Ф. 167 (Дружинины: Дружинин В. Г., Дружинин А. В.). Оп. 1. Ед. хр. 6.
- Гете 2005* — Гете И. В. Фауст / впервые в пер. Константина Иванова худож.: Олег Яхнин. СПб.: Имена, 2005.
- Иванов 1892* — Иванов К. А. История средних веков: (Курс систематический). СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1892.
- Иванов 1894* — Иванов К. А. Средневековый замок и его обитатели в эпоху процветания рыцарства. СПб.: «Учебный магазин», 1894.
- Иванов 1895a* — Иванов К. А. Средневековый город и его обитатели. СПб.: Товарищество «Петербургский учебный магазин», 1895.
- Иванов 1895b* — Иванов К. А. Средневековый монастырь и его обитатели. СПб.: Товарищество «Петербургский учебный магазин», 1895.

- Иванов 1896a* — Иванов К. А. Средневековая деревня и ее обитатели. СПб.: Товарищество «Петербургский учебный магазин», 1896.
- Иванов 1896b* — Пятидесятилетие С.-Петербургской пятой гимназии. 1845–1895: Сост. по поруч. Пед. сов. К. А. Иванов. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1896.
- Иванов 1899* — Иванов К. А. История древнего мира. СПб.: Типо-лит. М. П. Фроловой, 1899.
- Иванов 1901* — Иванов К. А. Трубадуры, труверы и миннезингеры. СПб.: Т-во «Петербургский учебный магазин», 1901.
- Иванов 1906a* — Стихотворения К. А. Иванова. СПб.: Типо-лит. М. П. Фроловой, 1906.
- Иванов 1906b* — Иванов К. А. Учебник русской истории: (Систематический курс). СПб.: Типо-лит. М. П. Фроловой, 1906.
- Иванов 1908* — Очерки по методике истории / Сост. К. А. Иванов, дир. Спб. 12 гимназии. СПб.: Типо-лит. М. П. Фроловой, 1908.
- Иванов 1912* — Иванов К. А. Лепестки: Новый сборник стихотворений К. А. Иванова. СПб.: Типо-лит. М. П. Фроловой, [1912].
- Иванов 1915a* — Иванов К. А. Средневековое папство и его представители. Петроград: Петроградский учебный магазин, 1915.
- Иванов 1915b* — Иванов К. А. Учебник русской истории: Систематический курс для старших классов средних учебных заведений. 5-е изд. СПб.: Типо-лит. М. П. Фроловой, 1915.
- Иванов 1917a* — Иванов К. А. История древнего мира. 13-е изд. Петроград: Петроградский учебный магазин, 1917.
- Иванов 1917b* — Иванов К. А. История средних веков: (Курс систематический). 13-е изд. Петроград: Петроградский учебный магазин, 1917.
- Иванов 1917c* — Иванов К. А. Очерки по методике истории / Сост. К. А. Иванов, дир. Царскосельской мужской гимназии. 4-е изд., доп. Петроград: Т-во «Петроградский учебный магазин», 1917.
- Иванов 2019* — Иванов К. А. Средневековый театр и легенды Средневековья. СПб.: Аврора, 2019.
- Кесслер 1874* — Синтаксис латинского языка / По грамматике Зейферта и др. нем. руководствам сост. Э. Кесслер. СПб.: Тип. А. И. Поповицкого и К°, 1874.
- Мережковский 1923* — Из «Автобиографической заметки» Д. С. Мережковского // За сто лет: Воспоминания, ст. и материалы / Петерб. б. 3-я гимназия, ныне 13 Сов. труд. шк.; Сост. Н. А. Соколов. Петроград: Типография Первой Петроград. Труд. Арт. Печ., 1923. С. 111–115.

Письма Иванова Шляпкину — Письма К. А. Иванова И. А. Шляпкину (1883 — 1917 гг.) // РО ИРЛИ. Ф. 341 (И. А. Шляпкин). Оп. 1. Ед. хр. 1362.

Письмо Алюхина Шляпкину — Письмо И. А. Алюхина И. А. Шляпкину // РО ИРЛИ. Ф. 341 (И. А. Шляпкин). Оп. 1. Ед. хр. 649.

Стихи и рассказы — Иванов К. А. Стихи и рассказы // РГАЛИ. Ф. 167 (Дружинины: Дружинин В. Г., Дружинин А. В.). Оп. 1. Ед. хр. 640.

Исследования

Алексеева 2019 — Алексеева И. С. О переводе «Фауста» И.-В. Гете Константина Иванова // «Как малый свет Руси великой»: Сб. ст. / ред. Т. Ю. Бровкина. СПб.: Издательские решения, 2019. С. 86–89.

Арепьев 1923 — Арепьев Н. Ф. Личный состав б. 3-й гимназии, ныне 13-й трудовой школы (служащие и учащие). 1823 — 1923 // За сто лет: Воспоминания, ст. и материалы / Петерб. б. 3-я гимназия, ныне 13 Сов. труд. шк.; Сост. Н. А. Соколов. Пг.: Типография Первой Петроград. Труд. Арт. Печ., 1923. С. 230–247.

Бровкина 2019 — Бровкина Т. Ю. Константин Алексеевич Иванов (1818–1958) — последний директор Императорской Николаевской Царскосельской гимназии // «Как малый свет Руси великой»: Сб. ст. / ред. Т. Ю. Бровкина. СПб.: Издательские решения, 2019. С. 5–40.

Брокгауз, Эфрон 1903 — Чистович Николай Яковлевич // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб., 1903. Т. 38 а. С. 870.

Дружинин 1923 — Гимназические годы И. А. Шляпкина. Из воспоминаний В. Г. Дружинина // За сто лет: Воспоминания, ст. и материалы / Петерб. б. 3-я гимназия, ныне 13 Сов. труд. шк.; Сост. Н. А. Соколов. Петроград: Типография Первой Петроград. Труд. Арт. Печ., 1923. С. 97–106.

Кумпан 2021 — Кумпан К. А. Д. С. Мережковский — ученик Третьей гимназии (заметки комментатора). Часть 2 // Русская литература. 2021. № 2. С. 104–133. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-104-133.

Лавров 1911 — Лавров С. В. Памятка бывшим ученикам С.-Петербургской 3-й гимназии (с видом 3-й гимназии и портретом В. Х. Лемониуса). СПб.: Типо-лит. В. Кене и К°, 1911.

Ордин 1923 — Ордин Б. К. Из воспоминаний о 3-й СПб. гимназии // За сто лет: Воспоминания, ст. и материалы / Петерб. б. 3-я гимназия, ныне 13 Сов. труд. шк.; Сост. Н. А. Соколов. Петроград: Типография Первой Петроград. Труд. Арт. Печ., 1923. С. 115–125.

Петрова 2019 — Петрова Г. В. «Искры чувств, возвышающих нас». О поэзии Константина Иванова // «Как малый свет Руси великой»: Сб. ст. / ред. Т. Ю. Бровкина. СПб.: Издательские решения, 2019. С. 68–85.

Пивоварова 2010 — Пивоваров Н. В. Собрание В. Г. Дружинина: итоги и перспективы его научного изучения // Памяти Василия Григорьевича Дружина (1869–1936): Материалы научных чтений 5 февраля 2010 г. / отв. ред. И. М. Беляева. СПб.: БАН, 2010. С. 49–62.

Плетнева 2015 — Плетнева А. В. Критика учебников Д. И. Иловайского в конце XIX — начале XX в. // Вестник ТГУ. 2015. Вып. 4 (144). С. 1–7.

Поздняков 2016 — Поздняков А. Н. Российские учебники по истории в оценках «Журнала Министерства народного просвещения» (конец XIX — начало XX в.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 22–26. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1 -22-28.

Соколов 1923 — За сто лет: Воспоминания, ст. и материалы / Петерб. б. 3-я гимназия, ныне 13 Сов. труд. шк.; Сост. Н. А. Соколов. Петроград: Типография Первой Петроград. Труд. Арт. Печ., 1923.

Федоров 2011 — Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники: 1823–1918 гг.: историко-биографический справочник / сост. Б. В. Федоров. СПб.: Издательство «ВИРД», 2011.

Чистович 1923 — Воспоминания о Третьей С.-Петербургской гимназии восьмидесятых годов. Профессора Н. Я. Чистовича // За сто лет: Воспоминания, ст. и материалы / Петерб. б. 3-я гимназия, ныне 13 Сов. труд. шк.; Сост. Н. А. Соколов. Петроград: Типография Первой Петроград. Труд. Арт. Печ., 1923. С. 90–97.

Шилов — Шилов Л. А. Ордин Борис Кесаревич // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры / Биографический словарь: электронное издание: [сайт]. URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=674.

References

Alekseeva 2019 — Alekseeva, I. S. (2019). О переводе “Fausta” I.-V. Gete Konstantina Ivanova [On the translation of “Faust” by I.-V. Goethe of Konstantin Ivanov]. In T. Ju. Brovkina (Ed.), “Kak malyj svet Rusi velikoj” [“Like a small light of Great Rus”]: Collection of articles] (pp. 86–89). Saint Petersburg: Izdatel'skie reshenija.

Arep'ev 1923 — Arep'ev, N. F. (1923). Lichnyj sostav b. 3-j gimnazii, nyne 13-j trudovoj shkoly (sluzhashhie i uchashhie). 1823–1923 [Personnel of 3rd gymnasium, now the 13th labor school (employees and students). 1823–1923]. In N. A. Sokolov (Ed.), Za sto let (Peterburgskaja b. tret'ja gimnazija): Vospominanija, stat'i i materialy [For a hundred years: Memoirs, articles and materials] (pp. 230–247). Petrograd: Tipografija Pervoj Petrogradskoj Trudovoj Arteli Pechatnikov.

Brokgauz, Jefron 1903 — Chistovich Nikolaj Jakovlevich (1903). [Chistovich Nikolay Yakovlevich]. Jenciklopedicheskiy slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Jefrona, (T. 38 a, pp. 870). Saint Petersburg.

Brovkina 2019 — Brovkina, T. Ju. (2019). Konstantin Alekseevich Ivanov (1818–1958) — poslednij direktor Imperatorskoj Nikolaevskoj Carskosel'skoj gimnazii [Konstantin Alekseevich Ivanov (1818–1958) — the last director of the Imperial Nikolaev Tsarskoye Selo Gymnasium]. In T. Ju. Brovkina (Ed.), "Kak malyj svet Rusi velikoj" ["Like a small light of Great Rus"]: Collection of articles] (pp. 5–40). Saint Petersburg: Izdatel'skie reshenija.

Chistovich 1923 — Chistovich, N. Ya. (1923). Vospominanija o Tret'ej S.-Peterburgskoj gimnazii vos'midesjatyh godov. Professora N. Ya. Chistovicha [Memories of the Third St. Petersburg Gymnasium of the 80s. Professor N. Ya. Chistovich]. In N. A. Sokolov (Ed.), Za sto let (Peterburgskaja b. tret'ja gimnazija): Vospominanija, stat'i i materialy [For a hundred years: Memoirs, articles and materials] (pp. 90–97). Petrograd: Tipografija Pervoj Petrogradskoj Trudovoj Arteli Pechatnikov.

Druzhinin 1923 — Druzhinin, V. G. (1923). Gimnazicheskie gody I. A. Shljapkina. Iz vospominanij V. G. Druzhinina [Gymnasium years of I. A. Shlyapkin. From the memoirs of V. G. Druzhinin]. In N. A. Sokolov (Ed.), Za sto let (Peterburgskaja b. tret'ja gimnazija): Vospominanija, stat'i i materialy [For a hundred years: Memoirs, articles and materials] (pp. 97–106). Petrograd: Tipografija Pervoj Petrogradskoj Trudovoj Arteli Pechatnikov.

Fedorov 2011 — Fedorov, B. V. (2011). Tret'ja Sankt-Peterburgskaja muzhskaja gimnazija i ee vypuskniki. 1823–1918 gg.: Istoriko-biograficheskij spravochnik [Third St. Petersburg Men's Gymnasium and its graduates. 1823–1918: Historical and biographical guide]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "VIRD".

Kumpan 2021 — Kumpan, K. A. (2021). D. S. Merezhkovskij — uchenik Tret'ej gimnazii (zametki kommentatora). Chast' 2 [D. S. Merezhkovsky as a student of the Third Gymnasium (commentator's notes). Part 2]. Russkaja literatura, 2, 104–133. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-104-133.

Lavrov 1911 — Lavrov, S. V. (1911). Pamjatka byvshim uchenikam S.-Peterburgskoj 3-j gimnazii (s vidom 3-j gimnazii i portretom V. H. Lemoniusa) [Memo to former students of the St. Petersburg 3rd gymnasium (with a view of the 3rd gymnasium and a portrait of V. Kh. Lemonius)]. Saint Petersburg: Tipo-litografiya. V. Kene i K°.

Ordin 1923 — Ordin, B. K. (1923). Iz vospominanij o 3-j SPb gimnazii [From the memories of the 3rd St. Petersburg gymnasium]. In N. A. Sokolov (Ed.), Za sto let (Peterburgskaja b. tret'ja gimnazija): Vospominanija, stat'i i materialy [For a hundred years: Memoirs, articles and materials] (pp. 115–125). Petrograd: Tipografija Pervoj Petrogradskoj Trudovoj Arteli Pechatnikov.

Petrova 2019 — Petrova, G. V. (2019). "Iskry chuvstv, vozvyshajushih nas". O pojezii Konstantina Ivanova ["Sparks of feelings that elevate us." About the

poetry of Konstantin Ivanov]. In T. Ju. Brovkina (Ed.), “Kak malyj svet Rusi velikoj” [“Like a small light of Great Rus”]: Collection of articles] (pp. 68–85). Saint Petersburg: Izdatel'skie reshenija.

Pivovarova 2010 — Pivovarova, N. V. (2010). Sbranie V. G. Druzhinina: itogi i perspektivy ego nauchnogo izuchenija [Collection of V. G. Druzhinin: results and prospects of his scientific study]. In I. M. Beljaeva (Ed.), Pamjati Vasilija Grigor'evicha Druzhina (1869–1936): Materialy nauchnyh chtenij 5 fevralja 2010 g. [In memory of Vasily Grigorievich Druzhinin (1869–1936): Proceedings of scientific readings February 5, 2010] (pp. 49–62). Saint Petersburg: BAN.

Pletneva 2015 — Pletneva, A. V. (2015). Kritika uchebnikov D. I. Ilovajskogo v konce XIX — nachale XX v. [Criticism of D. I. Ilovaisky's textbooks in the late 19th — early 20th century]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, 4 (144), 1–7.

Pozdnjakov 2016 — Pozdnjakov, A. N. (2016). Rossijskie uchebniki po istorii v ocenkah “Zhurnala Ministerstva narodnogo prosveshhenija” (konec XIX — nachalo XX veka) [Russian history textbooks in the estimates of the “Journal of the Ministry of National Education” (the end of XIX — beginning of XX century)]. Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija, 16 (1), 22–28. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-22-28.

Shilov — Shilov, L. A. Ordin Boris Kesarevich [Ordin Boris Kesarevich]. In Sotrudniki RNB — dejateli nauki i kul'tury: Biograficheskiy slovar': elektronnoe izdanie [Employees of the National Library of Russia — figures of science and culture. Biographical Dictionary: electronic edition]. Retrieved from: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=674.

Sokolov 1923 — Sokolov, N. A. (1923). Za sto let (Peterburgskaja b. tret'ja gimnazija): Vospominanija, stat'i i materialy [For a hundred years (St. Petersburg former third gymnasium): Memoirs, articles and materials]. Petrograd: Tipografija Pervoj Petrogradskoj Trudovoj Arteli Pечатnikov.

Marina Fedotova

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-5167-3414

VOYNA GIMNAZISTOV S CHERTYAMI ZA OSVOBOZHDENIE
K[ESSLERA] IZ ADA (“THE WAR OF SCHOOL STUDENTS WITH
DEVILS FOR THE LIBERATION OF K[ESSLER] FROM HELL”):
ABOUT THE GYMNASIUM POEM BY KONSTANTIN A. IVANOV

The article analyzes the gymnasium poem *Voyna gimnazistov s chertyami za osvobozhdenie K[esslera] iz ada* (“The war of school students with devils for the liberation of K[essler] from hell”) by Konstantin A. Ivanov (1958–1919). It was preserved in two manuscripts in the personal archives of Il’ya A. Shlyapkin (RNL) and Vasiliy G. Druzhinin (RGALI), who were classmates of Ivanov. They were graduates of the Third St. Petersburg Classical Gymnasium. Konstantin Ivanov became a famous teacher, he also taught history and geography to the children of Emperor Nicholas II. He was a author of gymnasium textbooks, tutorial and essays on Russian and medieval foreign history. Another undoubted talent of Konstantin A. Ivanov is his poetic talent. The translation of Goethe’s *Faust*, published only in 2005 through the efforts of his heirs was the peak of his talent. The gymnasium poem was dedicated to the teacher of the Latin language of the 3rd St. Petersburg gymnasium Ernest E. Kessler. It was distributed in the lists, had a great success among students and teachers of the gymnasium. On the one hand, it is presented as a literary intellectual game based on imitations of 18th - 19th century Russian poetry, world classics, allusions to works of ancient literature and ancient myths, and on the other hand, as a playful work reflecting the everyday life of boarding-school pupils. The text of the poem is published in the appendix.

Keywords: pedagogy, gymnasium poem, imitations, ancient literature, Russian poetry, Konstantin Ivanov, Ernest Kessler